

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ранее в разделе "Российская цивилизация" опубликованы статьи А.Л. Янова (№ 6 за 1998 год) и Т.И. Рябовой (№ 1 за 1999 год), посвященные проблеме развития национального самосознания в российской культуре. Новая работа С.В. Лурье позволяет поставить дискуссию по этой теме в более широкий теоретический контекст, раскрывает смысл таких стержневых для той темы понятий, как этничность и национализм. Проблема национализма и патриотизма анализируется в ней как с точки зрения категориального аппарата, так и исторической практики ряда стран, что позволяет создать условия для сравнительного изучения феноменов национализма и национального самосознания в России.

С.В. ЛУРЬЕ

Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика*

Притча о слоне

Существует огромное число концепций национализма и этничности. Национализм рассматривается то как идеология, то как политическая доктрина, то как форма переживания, чувство. В одной из статей, посвященных проблеме изучения национализма, Э. Кисс вспоминает в связи с этим "знаменитое описание слона, которое было сделано группой слепых, каждый из которых дотрагивался до различных частей тела этого животного" [1, с. 136, 137]. Соответственно позиции исследователя нация может рассматриваться как факт политической реальности, как население того или иного государства, как общность, обладающая рядом объективных характеристик, или же как общность, скрепленная единым чувством и самосознанием, подчас просто как фантом. На этничность смотрят и как на способ политического манипулирования с целью захватить или усилить свое влияние, и как на врожденное чувство принадлежности к определенной группе, и как на психологически комфортную идентичность. Работы по этой теме то ограничивают ее изучением национальных меньшинств и проблем мигрантов, то включают в нее любые национальные отношения. Прилагательное "этнический" может обозначать "относящийся к этносу", а может - "проживающий в инокультурной среде". Под понятие "этнос" подводится то лингвистическое, то биологическое, то культурное, то политическое основание.

Нельзя не признать, что в подавляющем большинстве трудов по проблеме национализма, даже если теории выглядят взаимоисключающими, содержится здоровое зерно. Как в притче про слепых и слона, ни одна позиция не может быть просто отвергнута. "Виноват" в этом сам изучаемый феномен. Это ярко показал Б. Андерсон в своем рассуждении о трех пара-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

доксах национализма, которые состоят в следующем:

1. С точки зрения историка, нация - явление Нового времени, однако в восприятии представителя любой нации ее корни уходят в глубокое прошлое;

2. Национальность может иметь каждый (это социокультурное понятие отражает всеобщее явление), но в каждом конкретном случае определенная национальность есть нечто особенное и не может подлежать типологизации;

3. Национализм - это значительная политическая сила, но с философской точки зрения теория национализма крайне скудна и непоследовательна (см. [2]).

Если внимательно вчитаться в "список парадоксов", то нельзя не заметить, что все они имеют "общий знаменатель": друг другу противопоставляются идеальный образ национализма и культурная система, возникшая под воздействием идеологии национализма. Отсюда и отсутствие минимально общепринятой теории или хотя бы феноменологического описания национализма. Единственное общее место: национализм зародился не ранее XVIII или в крайнем случае XVII века.

Полагаю, необходимо последовательно ответить на два вопроса (предварительно их разграничив): что представляет собой национализм как идеологическая система и чем он является по отношению к культурной (или этнокультурной) общности, которая воспринимает его в качестве своей идеологии? Это в свою очередь поможет объяснить столь значительное разнообразие интерпретаций понятия "национализм".

В одних исследованиях национализм выступает как явление, связанное с этничностью, в других эти понятия резко разводятся. Э. Хобсбаум полагает, что «национализм - это политическая программа и с точки зрения истории относительно новое явление. В соответствии с этой концепцией группы, понимающие себя как "нации", имеют права создавать территориальные государства того типа, которые сформировались после Французской революции» [3, с. 84]. Этничность же, с его точки зрения, всего лишь «позволяет дать четкое выражение групповой идентичности, внушить всем членам группы ("нам") чувство сплоченности, подчеркивая их отличие от "других"» [3, с. 86].

Еще один крупнейший теоретик национализма Э. Смит говорит об "этнических корнях национализма", подразумевая, что этничность формирует благоприятную почву для усвоения народом националистической идеологии, но толчок к зарождению национализма дают другие факторы [4-8].

Как отмечает Смит, мифы, которые лежат в основании национализма, у разных народов повторяются. Это не только вера в общих прародителей, но и, что особенно важно, вера в существовавший когда-то для этого народа "золотой век", за которым следует период упадка, потеря территории или ее части, миграция и тому подобные беды. Вера в силы нации восстанавливается уверенностью в будущем возрождении.

Ниже я покажу, что не у всех народов националистическая идеология строится строго по этой схеме, но идею национализма данная схема отражает и будет принята за *основу моих рассуждений*. Моя цель - совместить две казалось бы несовместимые концепции национализма - Хобсбаума и Смита - и описать национализм как политическую программу особого рода, содержащую в себе черты политической мифологии, т.е. как *программу-мифологему*.

Существуют многообразные точки зрения на проблему зарождения национализма. Андерсон полагает, что национализм возник благодаря широкому распространению печати, в результате чего оказалось, что мысли и чувства у больших групп людей появляются синхронно, что они схожи друг с другом. Стало возможным складывание общности людей, которые не знают друг о друге даже понаслышке, но тем не менее воспринимают происходящие события сходным образом [9]. Смит описывает сложную систему превращения этнических общностей в современные нации, где имеют значение и форма государственной или племенной лояльности, и способ религиозной организации, и направленная деятельность национальной (или националистической) интеллигенции, и демографические процессы. Э. Геллнер связывает происхождение национализма с индустриальной революцией [10, 11].

У всех этих концепций имеются оппоненты. Немало авторов оспаривают тесную связь между национализмом и индустриализацией. Но существование по меньшей мере двух типов национализма не оспаривает никто. В крайнем случае, чтобы не обострять проблему, предпочитают говорить о множественности типов национализма. Поэтому обращусь к классической бинарной схеме, которая была предложена Г. Коном, различавшим изначальный, западноевропейский и вторичный, периферийный варианты национализма [12, 13].

Национализм как политический проект

По мнению Кона, «на Западе национализм имел с самого начала политическую мотивацию и был тесно связан с концепцией индивидуальной свободы. Он был ответом на проблемы, возникшие в процессе строительства нации и обретения ею суверенитета, т.е. в борьбе с монархическим принципом легитимности... Такой тип национализма концентрировал внимание на текущей политической борьбе и был весьма мало обращен в прошлое, т.е. был ориентирован на достижение практических, рационально положенных целей. Нация понималась как объединение граждан, как воля индивидов, реализуемая через общественный договор. Национализм периферии возникает как протест против существующей государственной формы, а импульсом для него служит культурное влияние Запада, стремление к имитации форм жизни передовых стран. В национализме периферии очень сильный акцент делается на прошлом, которое подвергается инструментальной интерпретации. Образ "идеального" отечества как отдаленной цели, сконцентрированность на идеализированных образах прошлого и будущего - эти ключевые элементы не связаны напрямую с решением практических политических и экономических задач, нагружены заметно более высокой эмоциональностью. Нация в этом случае понимается как сообщество, построенное на неформализуемых, не оформленных в правовом отношении концепциях традиционной культуры, расовой, этнической общности. Акцент делается на различиях и самодостаточности наций» [14].

Если говорить объективно, под понятие "Запад" в такого рода рассуждениях попадает только одна страна - Франция. В качестве классического примера называют также и Англию. Ниже я коснусь проблемы английского национализма, который во многом похож на "периферийный", "восточный" тип национализма по Кону.

Поэтому я возьму на себя смелость предположить, что как идеологический и политический проект современный национализм был создан, сознательно сконструирован (по всей вероятности, во Франции конца XVIII века) точно так же, как был создан и со временем опробован на практике идеологический и политический проект социализма. Социализм, несмотря на неудачи, пытаются опробовать снова и снова. Таким же образом оказывается в ходу и национализм. Со временем он трансформировался, сменив "западную" модель на "восточную".

Зададимся вопросом: у какого народа в настоящий момент сохранилась "западная" модель и почему? В этой связи несомненный интерес представляют рассуждения о французской и немецкой модели национализма П. Серно: «Французская нация представляет собой политический проект (projet politique). Немецкая нация, наоборот, появилась сначала в трудах интеллектуалов-романтиков как вечный дар, основанный на общности языка и культуры. Для этих последних язык был сущностью нации, тогда как для французских революционеров он был средством достижения национального единства. Таким образом, мы можем в общих чертах сравнить два определения слова "нация", существовавшие в XIX веке. Во Франции под влиянием якобинской идеологии суверенный народ провозглашает существование единой и неделимой нации. Это государство, т.е. политическая сущность, которая порождает нацию. По немецкой романтической концепции нация, напротив, предшествует государству. "Volk" (это следовало бы перевести как этническая группа) представляет собой природное единство, основанное на общности языка и культуры. В соответствии с немецкой концепцией сначала был язык и культура, тогда как во французской концепции язык - лишь средство политической унификации. Немецкая идея "культуры" связана с традиционными культурными обычаями, прежде всего деревенскими, тогда как французская идея "цивилизации", скорее, связана с городскими "буржуазными" ценностями, которые должны распространяться на всю национальную территорию в ущерб сельской культуре (местным диалектам, традиционному образу жизни и т.п.). Немецкая романтическая идея нации - это *органическая* система, в которой язык как носитель национальной культуры неразрывно связан с народом» [15].

Это рассуждение кажется очень правдоподобным (так именно и было в истории), но вместе с тем оно ничего не объясняет. Если общезначимым проектом, "искусственным изобретением", "идеологией" была "французская" модель, то почему по всему свету, причем за достаточно короткий промежуток времени, распространилась другая, "немецкая" модель, органично выросшая из немецкой культуры? А если добавить, что и современный французский национализм во "французскую" модель не укладывается, а больше похож на "немецкую" модель, то картина и вовсе получается запутанной.

Остается допустить следующее: во Франции национализм возник как социальный и

политический проект. Но *содержание* этого проекта было со временем, в процессе развития идей, скорректировано. В других странах национализм также осуществлялся как своего рода "политический проект", но в его основании лежали элементы, заимствованные из немецкой системы. Так и возникла "восточная" модель национализма. В противном случае идеология национализма не могла бы реализоваться ни в одной другой стране, кроме Франции, где для нее были совершенно особые предпосылки, и не стала бы одной из наиболее значимых идеологических систем в мире.

Вот истоки идеологической конструкции, имеющей мифологическое основание, которая якобы органичным образом возникает внутри любой культурной системы. Но если согласиться с тем, что "мифология" выросла органичным образом в рамках только одной конкретной культуры - немецкой, а идея формирования нации как осуществление политического проекта возникла в другой - французской, что компоненты французской идеологии национализма были заменены на немецкую национальную мифологию, то мы имеем дело с политическим проектом, сознательно основанным на мифологии и сконструированным искусственно. Как это произошло - вопрос к историкам идей.

Национализм у разных народов

Рассмотрим преломление "национального проекта" на примерах армянского, финского, английского и турецкого национализма.

Модель, описанная Смитом, легче всего накладывается на армянский национализм. Здесь есть память и об общем предке - Гайке, и о "золотом веке", и о полуторатысячелетнем упадке, потере родины, есть мечты о будущем возрождении. Этот "националистический миф" создавала группа интеллигентов конца XIX века - писателей, публицистов, религиозных деятелей, таких, как Раффи, Лео, Мкртыч Хримян (ставший впоследствии католиком). Известны издания, через которые эта идеология транслировалась, - газета "Мшак", журналы "Дрош", "Гнчак". Известны методы работы первых националистов - в большой степени их ряды состояли из российских народников армянского происхождения. Они пошли в армянские деревни, как шли перед этим в русские. Армянскому национализму было легко принять классическую форму - армянская история легко укладывалась в "заданные" рамки. "Героический миф" нуждался только в художественном оформлении и лишь в сравнительно небольшой, поверхностной корректировке истории. Эту работу выполнили Лео, автор многотомной истории армянского народа, и Раффи, писавший остросюжетные героические романы с обилием захватывающих приключений, битв и подвигов во имя родины. Их книги стали любимейшим чтением крестьян. От классической схемы Кона армянский национализм отличался только тем, что, хотя он формировался в значительной мере на территории Восточной ("русской") Армении, против России (за редкими исключениями) направлен не был и идеи сепаратизма в себе не содержал.

В Финляндии широкое национальное движение возникло в 40-е годы XIX века и по своим внешним формам было вполне обычным. Акцент, как везде, делался на национальный язык и национальную школу (прежде всего начальную). Не было только упора на давние исторические традиции и воспоминания о "славном прошлом". А. Снельман - виднейший идеолог национального движения финнов, лидер партии финноманов - утверждал, что финской культуры еще нет, что ее только предстоит создать. В Финляндии шли дискуссии о том, как создавать национальную культуру и нацию. Снельман считал, что "национальный дух не есть некая застывшая субстанция, не подверженная изменениям. Он представляет собой результат непрерывной работы, начиная с момента зарождения самого духа. И на определенной ступени развития национального духа рождается патриотизм, воплощающий в себе бытие нации" [16]. Это вовсе не "западная" модель национализма - Снельман был гегельянцем и находился под сильным немецким влиянием. Он - откровенный романтик. Саму идею отсутствия у финнов истории ему удалось превратить в романтический миф. Теория финского национализма разрабатывалась в молодежных кружках и породила обычную для России форму пропаганды путем "хождения в народ". К концу XIX века движение захватило уже значительную часть молодежи. Оно практически не имело государственнической окраски. Предполагалось, что националистическая молодежь прежде всего должна создать нацию, а уж потом заводить речь о государстве. Поэтому в селах стали появляться молоденькие учительницы, которые наряду с языком и арифметикой учили детишек понимать, что они финны.

Теперь обратимся к турецкому национализму. Там тоже настал момент, когда учи-

тельницы в деревнях пытались втолковать своим ученикам, что они - турки. Правда, происходило это уже в 30-е годы нашего века по призыву государства и при отчаянном сопротивлении народа.

Турция опробовала несколько моделей национализма. Впервые в конце XIX века, когда Османская империя, находившаяся в острейшем кризисе, должна была четко определить свою идентичность. Национальность при этом сливалась с религиозной принадлежностью: мусульмане считались турками, а остальные - нет. На фоне того, что Европа называла Турцию "больным человеком" и откровенно ждала ее политической смерти, чтобы поделить "наследство", все элементы националистической мифологии могли найти свое воплощение. "Золотой век" - почти безраздельное господство ислама на Ближнем и Среднем Востоке, затем упадок турецкой государственности, провоцирование ее распада, временное отступление ислама, неугасающая надежда на ренанш. Проблема состояла только в том, что такая идентичность не способствовала сохранению Османской империи как многонационального государства.

Тогда взамен нее появилась новая модель национальной идентичности. Согласно ей, все граждане- империи, вне зависимости от языка, на котором они говорят, и от религии, которую они исповедуют, - османцы. Националистическую идеологию разработала младотурецкая партия. "Золотой век" - это расцвет Османской империи, затем следует период упадка (как в первой модели, но без связи с исламом). Расцвет империи наступит тогда, когда все население осознает себя единой общностью османцев. Эта схема зародилась в парижских кафе, была окутана ореолом романтики. Она была более жизнеспособной, чем может показаться. Даже националистические движения некоторых христианских народов Османской империи выразили готовность принять ее и внесли свою творческую лепту в разработку мифа. Однако "донести" османизм в народ не удалось, и через несколько лет сами младотурки к своей идее остыли.

Третьей моделью оказался кемализм. М. Кемаль был у власти, почитался военным героем и мог действовать по своему усмотрению. Он решил основывать турецкую идентичность на этническом происхождении. Легенда о "золотом веке" начиналась со времен Чингисхана и была очень впечатляющей. Кемаль обещал своими руками привести Турцию к возрождению и отчасти в этом преуспел. Кемалисты сделали все, чтобы пантюркизм (туранизм) был воспринят народом. Тогда и в Турции начался период "хождения в народ". Интеллигенция, преданная кемализму, рвалась в деревенские школы. В это время литература создает «нового героя - интеллигента (учителя, врача, офицера), проявляющего высокую самоотверженность... Он жертвует собой ради "темной и невежественной массы", в которую именно он призван внести "национальный дух"», уничтожить патриархальные структуры и наполнить крестьянские умы новыми понятиями и ценностями [17]. Однако кемалистская идеология турецкими крестьянскими массами безоговорочно отвергалась. В романе Х. Эдиб "Убейте блудницу" народ линчует патриотку-учительницу, пытавшуюся проповедовать идеологию национализма в деревне. В романе Я. Кадри "Чужак" бывший офицер Джамил, поселившись в азиатской деревне, посвящает себя проповеди идей Кемала и убеждается в отсутствии у азиатских крестьян каких бы то ни было национальных чувств. "Мы не турки, а мусульмане", - говорят они.

Английский национализм имеет совершенно особую историю. В Англии XV-XVI века понятия "империя", "нация", "общество", "англиканская церковь" выступали как синонимы. Зарождавшееся национальное сознание носило неожиданно яркую религиозную окраску. Папский Рим был провозглашен врагом нации, был поставлен вопрос о "Боге Англии" и англиканстве как необходимой предпосылке торжества Царствия Божия [18]. В результате, распространяя христианство в колониях в форме национальных церквей, англичане проповедовали национализм, основанный не на этничности, а на религиозности, и создавали себе тем самым бесчисленные проблемы, связанные с управлением империей. Со второй половины XIX века английский национализм стал принимать более типичные черты. Идеология английского империализма не так уж резко отличалась от других националистических идеологий. "Золотой век" - время расцвета "Первой империи", длительный шок после потери Британией своих американских колоний (на фоне которого англичане ухитрились почти не замечать успешного завоевания Индии), выход из шока и чаяния восстановить и преумножить былую славу Британии. Непохоже, чтобы произошла трансформация идей, скорее одна модель национализма была постепенно подменена другой моделью национализма, применившейся к особым условиям существования Англии, но в принципе схожей с "периферийной" моделью, которая характерна для самых различных стран.

Мы видим более или менее пеструю картину. Вопрос в том, как объяснить различия в

националистических идеологиях, имеющих, согласно теории, общие мотивы, но на практике непохожих друг на друга.

Следует рассудить, что если одна и та же идеология заимствуется разными народами, то она обязательно должна каждым из них особым образом адаптироваться, реинтерпретироваться, чтобы стать применимой к культуре этого народа. Как утверждает Смит, невозможно создать нации из ничего [8].

Разные лики этничности

Попытаемся подойти к нашей теме с точки зрения другого понятия - "этничность", для многих исследователей близкого к понятию "национализм", и рассмотрим наиболее важные и спорные моменты ведущих подходов к проблеме этничности.

1. Насколько тесно происхождение этничности можно увязывать с процессами борьбы в обществе? Связаны ли проявления этничности со стремлением к влиянию и привилегиям? Является ли рост этничности ответом на попытки ассимиляции или притеснения этнических групп? Все это характеризуется термином "оппозиционный подход", который ввел в научный оборот Э. Спейсер. Почти все современные исследователи этничности с большей или меньшей степенью натяжки могут, как мне кажется, рассматриваться как приверженцы данного подхода.

2. Следует ли понимать этничность как существенную, исходную (примордиальную) характеристику или как инструментальную характеристику, т.е. такую, которой индивид может манипулировать в зависимости от своей выгоды (понимаемой в сколь угодно широком смысле)? Примордиалистский подход к этничности мы встречаем в работах П. ван ден Берге, К. Гирца, отчасти Ф. Барта, в последних работах Д. Мойнихена. Инструменталистский подход - у А. Козна, А. Эпштейна, Н. Глайзера, М. Бэнкса, Д. Хоровитца, Э. Смита, М. Бэнтонна, М. Фишера и др. Также возможен синтез этих двух подходов (Н. Онаф, П. Вергер, Т. Глакмен).

3. Является ли этничность индивидуальной или групповой характеристикой? Точнее сказать, кто носитель этничности: индивид (это точка зрения А. Ройса, К. Ларсона, М. Андерсона) или группа (позиция Г. Исаака, Р. Джексона, А. Коена и др.)?

4. При определении этничности следует делать акцент на наличии общего культурного основания (Г. Де Воз, С. Энлоу, Э. Спейсер), на поведенческих характеристиках индивида (У. Фриман, Ж. Деверё, Г. Де Воз) или на самоприписывании (Л. Романусси-Росс, Ф. Барт)?

5. Что такое этническая граница? Возможно ли описать ее, основываясь на каком-либо из перечисленных в предыдущем пункте факторов или даже их совокупности (Барт), или следует предположить, что этническая граница в значительной мере определяется механизмами функционирования этноса и неразличима для внешнего наблюдателя (С. Леви)?

Перечисленных вопросов я коснусь в процессе рассуждения, но прежде всего подробнее рассмотрю три основных подхода к исследованию этничности: примордиализм, инструментализм, конструктивизм.

Конструктивисты прежде всего искали причины, порождающие этничность и делающие ее значимым социальным фактором. С их точки зрения, этничность является новой социальной конструкцией и не имеет культурных корней. Те культурные черты, которые она использует в качестве этнических символов, не имеют органического происхождения, они как бы выхватываются из культуры и суть не более чем знаки групповой солидарности. Речь идет об этнической группе как искусственном политизированном образовании.

С точки зрения примордиалистов, этничность, напротив, является органичным образованием, совершенно не обязательно идеологизированным и нацеленным на получение тех или иных выгод. Она основана на присущем человеку ощущении себя в качестве члена того или иного этноса и носителя той или иной культуры. Как выразился Ч. Кейс, примордиальные корни этничности "берут начало в интерпретации своего происхождения в контексте культуры" [19].

Конструктивизм предполагает, что каждый человек имеет ту или иную этническую предрасположенность, которая может "дремать", никак не выражаясь, и может, напротив, активизироваться, "пробудиться".

Аналогичные подходы можно найти и в исследованиях проблемы национализма. Геллнер, с этой точки зрения - типичный инструменталист, Смит - конструктивист, примордиалисты - Дж. Фишман и М. Барре.

Разница состоит в том, что национализм охватывает крупные общности, проживающие, как правило, компактно, а термин "этническая группа", с которым во многих случаях и

связывается понятие этничности, относится к группе представителей того или иного этноса, проживающих в иноэтническом окружении, и все, что я говорила выше о национализме, может быть отнесено к этничности как идеологии, так и организации. Под этим углом зрения к проблеме "этничности" подходит инструментализм.

Но описание модели или даже элементов практики национализма мало что скажет о существенных особенностях данной нации или этноса (вспомним один из парадоксов национализма, приведенных Андерсоном, связанный с противоречием между формальной всеобщностью национальности как социокультурного понятия и реальными особенностями конкретных проявлений национального). Подобно этому инструменталистское описание этнической группы очень мало скажет о действительных культурных особенностях этой группы.

Почему спор между представителями трех ведущих подходов длится уже много лет без шансов на победу или хотя бы преобладание одного из них, почему представители одного лагеря вдруг переходят в другой? Так, известный инструменталист Мойнихен внезапно в своей новой работе начинает склоняться к примордиализму [20, 21].

Проблема состоит в том, что многие из этнических групп с равным успехом можно описать, отталкиваясь от любого из трех подходов. Возьмем для иллюстрации вышедшую совсем недавно книгу об этнических общинах Санкт-Петербурга [22]. И название сборника - "Конструирование этничности", и вводная статья, и программные заявления авторов говорят о том, что они склоняются к инструменталистской концепции. На практике, однако, получается не совсем так. Сборник начинается статьей о татарах в Петербурге. Если пропустить теоретические рассуждения автора (О. Карпенко), то из содержательной части статьи можно было бы предположить, что его позиция находится где-то между примордиалистским и конструктивистским подходами. Этничность у всех респондентов как бы предзадана, вопрос только в формах ее проявления и обстоятельствах, послуживших ее "пробуждению". Все, вплоть до внешности, "работает на этничность". Но те, кто полагает, что большинство татар отличается от русских внешне, - просто видели мало татар.

А вот для сравнения статья об армянской идентичности из того же сборника (авторы О. Бредникова, Б. Чикадзе). Казалось бы, армяне как национальность очень выражены (в том числе и внешним обликом), но автор показывает, что у всех армян, кроме мигрантов первого поколения, попавших в Петербург уже взрослыми, национальная идентичность размыта, дети из смешанных браков чаще считают себя русскими, дети мигрантов предшествующих поколений обычно относят себя к русской культуре, а бывает, считают себя русскими. Национальная идентификация идет у них с огромным трудом и, за исключением лидеров формальной общины, т.е. "профессиональных армян", практически никогда не приводит к полной идентификации, "останавливается посередине", когда одновременно ощущается связь и с русской, и с армянской культурами [22].

Этничность в период кризиса

Поскольку я сама в течение нескольких лет связана с армянской общиной, добавлю к рассуждениям авторов упомянутой выше статьи свои наблюдения. В критические годы Карабахской войны неформальный костяк армянской общины в Петербурге (формальный в этот период был очень слаб) составляли русскоязычные армяне и выходцы из смешанных семей - те, кто незадолго до этого считали себя русскими и если бы не трагедия на "исторической родине", и в дальнейшем к армянам прямого отношения не имели (подавляющее число после окончания войны вновь "ушло в русские"). Даже с относительно недавними мигрантами дело обстоит непросто: среди них есть те, кто охотно принимает русскую идентичность и уж во всяком случае чувствует себя связанным с русской культурой (а как может быть иначе, если к последним относится и значительная часть ереванской интеллигенции?). В самые же последние годы вопрос идентификации был насильственно навязан внешним окружением, поскольку армяне были отнесены к "лицам кавказской национальности" с вытекающими последствиями.

При желании все эти факты с поразительной легкостью укладываются в инструменталистскую схему. Но только если не интересоваться тем, кто были люди, оказавшиеся неформальными лидерами общины в критический период, и что их к этому толкнуло. Ответ на данный вопрос не укладывается ни в один из трех классических подходов. Их связала не столько этничность как таковая, сколько война, не столько эйфория "этнической мобилизации", сколько депрессия и ощущение безысходности. Все они в этот период имели

личную связь с Арменией и тонко ощущали происходящее там. Их объединяла не национальность как таковая, а наличие общего, остро пережитого культурного опыта. Они выработали специфическую манеру поведения, если угодно, собственную символику и собственный код, зачастую другим членам общины не вполне понятный. Для них не была особенно значима национальная культура, особенно в ее этнографическом аспекте, незначим был и язык (говорили по-русски), их целью было служить не локальным интересам этнической группы, а интересам Армении. В своем роде они были большими националистами, чем "профессиональные армяне", хотя в отличие от последних никогда не были настроены антирусски, и они опять "стали русскими", когда кризис миновал. После этого община приняла более традиционную для иноэтнических общин форму, и к анализу ее жизнедеятельности опять стало возможным применять любой из трех перечисленных выше подходов, даже призму "оппозиционализма".

Но короткий момент кризиса показал, что ни один из перечисленных подходов не в состоянии объяснить функционирование этнической общины. Этнос действует как налаженный организм, и под "этническую мобилизацию" в наиболее сильной степени попадают не те, от кого этого следовало бы ожидать по формальным критериям, а те, кто по своим ценностным установкам и личностному опыту способен играть в судьбе этноса определенную функциональную роль и умеет вести себя в соответствии с этой ролью, пусть даже импровизируя. "Ассимиляция" и "диссимиляция" оказываются тогда обратимыми процессами, связанными с функционированием этнической культуры. Причем поведенческий момент становится самым важным, но не в смысле традиционного поведения, а в смысле способности уловить, какое поведение требуется для успешного функционирования этноса в данный момент. Остаются вопросы: каким образом люди, давно отошедшие от этнической жизни, так быстро выработали новую армянскую символику (отличающуюся от той, которая распространена в современной Армении, но связанную с партизанским движением в "турецкой" Армении конца XIX века)? Как они смогли молниеносно выбрать адекватную линию поведения, связанную с сегодняшними общезнаменными интересами? И, наконец, почему, когда их роль была сыграна, они не стали дальше "эксплуатировать" свою этничность, не перешли в разряд "профессиональных армян", а просто перестали интересоваться жизнью общины?

Этот взгляд на проблему требует пересмотра не только понятия "этничность", но и понятия "нация".

Существует ли нация?

Определений нации немало. Все они делятся на три группы: в первом случае выделяются некие объективные признаки нации, во втором за основу принимается самосознание, в третьем понятие "нация" синонимично понятию "государство".

Есть еще одна возможность определения нации, а именно в качестве продукта национальной идеологии. Так, К. Вердери понимает нацию как символ (или миф?), использование которого само творит реальность. "Национализм предстает в этой трактовке как оболочка для различных психологических и идеологических конструкций, которые облекаются в эту оболочку постольку, поскольку она оказывается самым эффективным средством их адаптации для массового сознания" (цит. по [23]).

Если так, то получается, что нации субстанционально не существует, ее нет в том смысле, в каком есть реальные сообщества - семья, государство и, на выбор, этнос, как носитель определенных культурных комплексов или культура, понимаемая в антропологическом значении этого слова. Нация тогда "воображаемая общность", но не как у Андерсона (в том смысле, что члены ее не знакомы друг с другом и могут иметь в своем сознании лишь ее идеальный образ). Она просто-напросто *выдуманная* общность. "Воображаемой общностью" легко назвать и государства, где граждане также друг с другом не знакомы, а функционирование государственной машины могут наблюдать только фрагментарно.

Но можно попытаться сформулировать и другой вариант: нация - это сформировавшаяся под влиянием идеологии национализма форма существования культуры. (Я обычно употребляю выражение "этническая культура", но поскольку в данной статье акцент делается на других значениях термина "этнический", то, чтобы не вносить путаницы, я буду употреблять просто термин "культура", но всегда с этого момента и далее в узком антропологическом значении.) Это же определение может быть перенесено и на этничность. Поскольку парадигма "нация" идеологически уже задана, а культура - структура очень сложная,

определяющая характер взаимодействия своих членов и их подгрупп, то легко объяснить неразбериху в определениях этнической группы и связанного с ней понятия этничности.

Разгадка состоит в том, что таких механизмов несколько. Они связаны и с заданным в культуре образом "мы" (к чему я ниже вернусь) и с характером взаимодействия инокультурной группы со своим внешним окружением, что порой действительно определяется борьбой за влияние, а порой совместимостью или несовместимостью культурных парадигм живущих рядом народов. Не тех, которые обычно принято перечислять (религия, история, обычаи и традиции), а тех, которые относятся к *культурно-детерминированным способам и алгоритмам действия*. В этом случае легко предположить, что при ситуативной несовместимости ощущение инаковости (или этничности, коль скоро она как идеологическая конструкция уже пущена в широкий оборот) будет острым, и проявления этой культурной инаковости, или этничности, будут выглядеть как присущие от природы, примордиальные. Если же культурно-психологической несовместимости нет, то осознание этничности будет происходить с трудом и только при наличии дополнительных факторов - экономических, социальных, идеологических (в том числе использование идеологии этничности как варианта идеологии национализма). Но зато когда в культуре возникает необходимость формирования из диаспоры группы, которая в процессах, переживаемых культурой, будет играть определенную функциональную роль, эта группа сформируется, пусть даже в нарушение всех известных законов создания этнических групп. И эта группа будет именно такой, которая в данный момент требуется для функционирования данной культуры¹.

Разные лики национализма

Тогда встает еще один вопрос: почему национализм у разных народов имеет одновременно столько типичных черт и столько явных различий? Безусловно, есть различия объективные, скажем, исторические. Если у финнов истории как таковой не было, заполнить эту лакуну было трудно. Но не невозможно, поскольку множество других народов путем "невинных" исторических подтасовок такую историю себе "создали". Финны же не просто смирились с "нулевым вариантом", но и ухитрились его романтизировать. А много ли на свете народов, которые смогли бы романтизировать "отсутствующую историю"?

Почему армяне, имея отчаянно националистическую идеологию, боролись с турками, но крепко держались за Россию, охотно способствуя укреплению и расширению Российской Империи? Не потому, что нуждались в России для борьбы против Турции. Ведь при последовательно антирусской политике и выраженном (не только на словах, но и в поступках и образе мышления) стремлении к национальному государству Британская империя пришла бы в конце концов им на помощь, довольная тем, что можно создать заслон русскому продвижению на юг. Англичане устами Лоуренса Аравийского объявили армян "невозможным народом" именно потому, что настоящего стремления к созданию национального государства у них нет, эта идея для них скучна. Вот, казалось бы, идеальная националистическая схема, а где-то есть камень преткновения. На словах армяне желают независимости, а как только доходит до дела - миф не срывается. (И в современной Армении народ до сих пор не желает осознавать, что Россия - это уже не Родина, а иностранное государство.)

Почему англичане с упоением занимались пробуждением у завоеванных народов "национального чувства", создавая нескончаемые трудности самим себе? Ни в одной другой империи ничего подобного не было. Франция, например, планомерно разрабатывала программы ассимиляции населения колоний. Почему Турция так и не смогла найти приемлемой модели националистической идеологии, хотя пытается сделать это по меньшей мере 100 лет? Почему туранизм в турецком народном сознании постоянно замещается исламом?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно признать, что национализм, формируя нацию, делает это на основании определенной культуры. Я имею в виду не "протонациональные" или "этнические" общности, обладающие или не обладающие общим самосознанием. Имеется в виду другое: человечество делится на отдельные коллективы, являющиеся (не имеет значения, осознают ли они это и каким образом) культурами в антропологическом смысле. Их можно называть этносами, но при этом необходимо помнить, что речь не идет об обязательном единстве происхождения, генетических корнях. Каждая из этих общностей адаптируется к различным изменениям, происходящим в мире. Поскольку мода на раз-

¹ О функциональном внутриэтническом конфликте подробно см. [24].

личные идеи рождаются и затрагивают так или иначе различные народы, культурные общности (этноты) к этим идеям адаптируются и адаптируют эти идеи для себя. Мода на националистическую идеологию, подкрепленная значительными выгодами от нее (облегчение процесса модернизации, раскрытие новых политических возможностей, формирование психологически комфортного способа самоидентификации), имела в качестве побочного эффекта адаптивное каждым народом данной идеологии к *своей культурной системе*.

В каждой культуре имеется свой образ "мы", образ "покровителя", образ "поля действия" и т.п. Это не конкретные представления, а скорее парадигматические формы, в которые реальные объекты "вписываются". Любая идеология также вписывается в эти парадигмы. И каковы бы ни были общие мифы национализма, он адаптируется к культурным особенностям народа, который национализм как идеологию принимает. Попробуем объяснить только некоторые из них в качестве примера.

В финской культуре важен образ индивида, который является первопроходцем и одновременно наделен сверхчеловеческими возможностями. Его "поле действия" - это земля, на которую еще не ступала нога человека. Он - преобразователь среды, в которой живет или даже ее создатель, готовый к сверхчеловеческим усилиям. История Финляндии вовсе не так пуста, чтобы в свое время финноманы не могли сочинить красивую легенду. Но эта легенда лишала бы их образа первопроходца и тем самым плохо коррелировала бы с их культурно-психологической системой. Отсутствие же истории - это возможность создать ее своими руками. Поэтому в националистической доктрине появляется идея создания (!) своего народа, своей страны.

В армянской картине мира чрезвычайно важен образ союзника. Когда эту парадигму нечем было наполнить, народ стал вырождаться. В момент прихода русских в Закавказье говорить об армянском народе как о целом невозможно. Было армянское население со своими локальными интересами, скрепленное единством религии. Не будь этого - народ растворился бы полностью. Но армян спасло не русское оружие, а то, что впервые за много веков они получили союзника, а вместе с ним — наполнение той парадигмы в их сознании, которая определяла саму возможность действия, активности в мире. Народ стал возрождаться буквально на глазах не только в Восточной ("русской"), но и в Западной ("турецкой") Армении. И если идеологи национализма могли думать о свержении "русского ига", то заявлять об этом открыто, вносить этот пункт в свою программу они не могли - иначе народ вообще не принял бы идеологию национализма. Так и недавние правители Армении, мечтавшие о ее прозападной ориентации, после первых экспериментов уже не смеют высказывать свои мысли вслух. Летом 1997 года в Армении, население которой вместе с младенцами на настоящий момент едва достигает 2,5 млн человек, практически за месяц было собрано около 1 млн подписей за союз с Россией, причем большинство респондентов даже забывало уточнить, на каких условиях. Между тем в недостатке национализма армян обвинить трудно.

Для англичан "сообщество", оно же "нация", - элементарная категория. Так они смотрят на себя, так невольно смотрят и на других. Невольно (сознательно такая задача, как правило, не ставилась) англичане стремились ассимилировать покоренные народы. Но ассимилировать - значит привить в чужую культуру тот образ "мы", который специфичен для собственной. Очень простая разгадка повсеместного провоцирования англичанами национализма. Самое удивительное, что им удалось сконструировать и привить (опять же в большей степени невольно) национализм в полиэтнической Индии, который в таком виде, как он сложился, никогда не мог бы возникнуть самопроизвольно.

Турецкие националисты стремились разными путями определить образ турка, т.е. создать образ пусть и не маленькой, но ограниченной общности. Между тем в турецкой культуре образ "мы" связан с ощущением бесчисленной массы. В этом отношении исламская идентичность более вписывается в народную картину мира, чем национальная, турецкая. Турки так никогда и не создали идеологии национализма, адекватной своей культурной системе.

* * *

Таким образом, нельзя однозначно говорить ни о единстве национализма как социально-политического феномена, ни о множественности национализмов как о совокупности феноменов, которые случайно были названы одним и тем же словом. Если смотреть на национализм как на идеологию и способы действия, неразрывно связанные с идеологией, ею самой

детерминированные (как, например, "хождения в народ"), то это явление, безусловно, единое. Если посмотреть на национализм в контексте культуры, то он окажется столь же разнообразным, как разнообразны различные культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kiss Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтничном государстве. М., 1994.
2. *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 148.
3. *Хобсбаум Э.* Национализм и этничность // Национализм (взгляд из-за рубежа). М., 1995.
4. *Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1971.
5. *Smith A.* Nationalism in Twentieth Century. Oxford, 1979.
6. *Smith A.* The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.
7. *Smith A.* The Ethnic Origin of Nation. Oxford, 1986.
8. *Smith A.* National Identity. London, 1991.
9. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
10. *Gellner E.* Thought and Change. London, 1964.
11. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
12. *Kohn H.* Nationalism: its Meaning and History. Princeton, 1995.
13. *Kohn H.* The Idea of Nationalism. New York, 1967.
14. *Миллер А.И.* Теория национализма Эрнеста Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций. М., 1994. С. 114.
15. *Серно П.* Этнос и демос: деструктивное подчинение этнической идентичности // Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 53.
16. *Суни Л.* Очерк общественно-политического развития Финляндии. Л., 1979. С. 104.
17. *Белова К.А.* Эволюция общественного идеала в сознании турецкой интеллигенции // Турция: история и современность. М., 1988. С. 178.
18. *Greenfeld L.* Nationalism. London, 1957. P. 57, 60, 61.
19. *Ethnic Change.* Seattle, 1981. P. 183.
20. *Glazer N., Moynihan D.* Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, 1975.
21. *Moynihan D.* Pendaemium: Ethnicity and International Politics. New York, 1993.
22. Конструирование этничности. Этнические общности Санкт-Петербурга. СПб., 1998.
23. *Миллер А.М.* Вместо введения. Национализм как теоретическая проблема // Национализм и формирование наций. М., 1994. С. IV.
24. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997.

© С. Лурье, 1999